

— Здесь, кажется, родинка, — серьёзно произнёс Лу Яо.

Они стояли так близко, что их дыхание смешивалось. Прежде Цюэ Чжуинь никогда никого не подпускал к себе на такое расстояние.

Теперь же, в этой близости, слабый винный шлейф, который почти рассеялся на улице, упрямо вернулся вновь. Окутанный мягким, горячим дыханием, Цюэ Чжуинь на мгновение сам почувствовал себя пьяным.

Хмель почти не отражался на лице Лу Яо — лишь щёки едва заметно порозовели. Движения и взгляд оставались прежними, и со стороны могло показаться, будто он совершенно трезв. Вот только парень не мигая смотрел на Цюэ Чжуиня. Наконец он, согретый вином, скользнул взглядом по точёным чертам лица и остановился на мочке левого уха.

Чуть выше виднелась крошечная родинка — едва заметная, но чёрная, точно капля туши.

В глазах Лу Яо заблестела влажная дымка. Он подался вперёд, сию секунду рассмотреть её получше — точь-в-точь ребёнок, заприметивший диковинную игрушку. Тёплые пальцы приподнялись и коснулись мягкой, прохладной мочки уха, а затем скользнули чуть выше, к самому хрящу, накрывая крошечную тёмную точку.

Цюэ Чжуинь и сам не знал, что у него на ухе есть родинка. Чтобы разглядеть её, Лу Яо слегка наклонил голову. Он щекотал дыханием кожу лица и шеи Цюэ Чжуиня, а тепло пальцев, казалось, впитывалось в эту крошечную точку. Такое мягкое, убаюкивающее прикосновение заставило Цюэ Чжуиня замереть. Рука, которую он уже занёс было, чтобы резко оттолкнуть юношу, безвольно опустилась. Вся его холодная решимость растаяла в этом чужом тепле. Он лишь слегка нахмурился, недоумевая и от бесцеремонности Лу Яо, и от собственной необъяснимой мягкости.

— Всего лишь родинка, — тихо произнёс Цюэ Чжуинь.

Пальцы Лу Яо всё ещё не отпускали его ухо. Непривычное, горячее тепло то ли ласкало, то ли легонько разминало мягкую кожу, словно эта крошечная отметина стала для юноши величайшим сокровищем.

«У каждого есть что-то подобное, — мысленно закончил он фразу, которую не стал произносить вслух. — К чему так разглядывать?»

Лу Яо замер. Он отстранился и заглянул прямо в лицо Цюэ Чжуиня, встретившись с его удивительно чистыми, сияющими даже в тусклом полумраке глазами. В их тёплой янтарной глубине отражался огонёк свечи. Обычно этот мужчина улыбался лишь губами, скрывая подлинные чувства, но сейчас Лу Яо на миг показалось, что он наконец-то посмотрел с искренним, живым теплом.

Юноша убрал руку и коснулся собственного правого уха.

— У меня тоже есть, — с полной серьёзностью выговорил он. — На правом ухе.

Цюэ Чжуинь невольно проследил за движением его тонких пальцев и замер от удивления.

Отметина находилась точно в таком же месте — на хрящике. Кожа Лу Яо была светлой, и крошечная тёмная точка выделялась на ней удивительно ярко. Она приковывала к себе взгляд, точно капля туши на белоснежной рисовой бумаге или отражение луны в тихой гладкой заводи. От неё невозможно было отвести глаз.

Лу Яо улыбнулся и весело прищурился. Он легонько ткнул пальцем в свою родинку и с какой-то детской гордостью добавил:

— На том же самом месте, что и у тебя, Сяо Хэй.

Прежде Цюэ Чжуинь не придавал значения этой крошечной детали на собственном теле, но сейчас его взгляд словно прирос к правому уху юноши. Помолчав, он вдруг протянул руку и точь-в-точь как Лу Яо мгновение назад легонько коснулся его родинки кончиком пальца — один раз, другой.

Родинка ничуть не возвышалась над кожей, так что на ощупь её было не отличить. Однако Лу Яо успел захмелеть, и его ухо пылало жаром. В то мгновение, когда пальцы Цюэ Чжуиня коснулись его, ему показалось, будто он прикоснулся к открытому огню.

Он и раньше частенько вился вокруг своего спасителя, но лишь сейчас со всей отчётливостью осознал: человеческое тело бывает таким горячим. Таким живым и тёплым.

Заметив, что его родинку разглядывают, Лу Яо послушно подался вперёд, подставляя лицо. Но Цюэ Чжуинь вдруг отёрнул руку.

Юноша озадаченно нахмурился:

— Почему ты перестал?

Если до этого Цюэ Чжуинь оставался серьёзным, то теперь он улыбнулся. Он был на полголовы выше Лу Яо, и в такой близости разница в росте казалась особенно заметной. Повелитель демонов нарочно сделал шаг вперёд, вынуждая юношу смотреть снизу вверх. В нём проснулось непреодолимое желание подразнить парня. Мягко улыбнувшись, он положил ладонь на затылок Лу Яо, ласково погладил тёплую шею и выдохнул ему прямо на ухо:

— И где же ещё мой маленький спаситель хочет, чтобы я его погладил?

Лу Яо, соображавший с трудом, сначала кивнул, затем покачал головой, а в следующее мгновение просто покачнулся и повалился вперёд. Цюэ Чжуинь мгновенно перестал улыбаться. Он порывисто подхватил юношу, и тот всем весом навалился на него, уткнувшись лицом в плечо. В тишине комнаты раздалось его тихое, размеренное дыхание.

— Ну и время ты выбрал для сна... — тихо проворчал Цюэ Чжуинь.

Ему и в голову не могло прийти, что когда-нибудь он примерит на себя роль заботливой няньки. Бережно уложив парня на кровать, он попытался убрать руку, но Лу Яо крепко вцепился в его запястье. Густые ресницы спящего дрогнули, и он что-то бессвязно пробормотал.

— И сколько же ты ухитрился выпить? — вздохнул Цюэ Чжуинь, хотя в глазах его сквозила мягкая усмешка.

Он наклонился ниже, разглядывая подрагивающие ресницы юноши, и не удержался — слегка коснулся их кончиками пальцев. Затем прижал палец к его межбровью. Крошечная искра тусклого света впиталась в кожу, и Лу Яо, только что бормотавший во сне, мгновенно затих. Его лицо разгладилось, дыхание стало глубоким и спокойным.

Цюэ Чжуинь выпрямился и негромко рассмеялся:

— Постарайся только не забыть обо всём этом, когда проснёшься утром.

За окном, на ветвях вязов и ив, уже всюю щебетали птицы. Их звонкий хор развеял утреннюю дымку и остатки ночного сумрака. Первые золотистые лучи солнца брызнули сквозь листву, заставив заискриться капли росы.

Лу Яо проснулся на час позже обычного. Стоило ему открыть глаза, как воспоминания о вчерашнем безумии хлынули в голову неудержимым потоком. Он поспешно откинул одеяло, сгорая от запоздалого стыда. Обнаружив, что в комнате никого нет, юноша с облегчением выдохнул. Но едва он опустил ноги на пол, собираясь обуться, как в воздухе поплыл резкий запах гари.

Откуда в такую рань пахнет гарью? Нахмурившись, Лу Яо наскоро обулся и вышел в сени. Чем ближе он подходил к кухне, тем невыносимее становился удушливый чад. Заметив клубы серого дыма, валившие из дверного проёма, он бросился внутрь.

В нос тут же ударил едкий дым, заставив его закашляться. Зажав рот ладонью и отмахиваясь от пелены, Лу Яо разглядел полыхающую печь.

А рядом с ней, посреди этого хаоса, стоял Цюэ Чжуинь.

Мужчина заходился в кашле, растеряв всю свою хваленую изысканность и величие. Его лицо покрывали пятна сажи. Стоило ему заметить вошедшего, как он посмотрел с такой надеждой, словно пред ним предстал сам спаситель.

Лу Яо лишь молча покачал головой. Он выбежал во двор, спешно набрал ведро воды и, вернувшись, единым махом залил полыхающий очаг. Лишь когда пламя с шипением погасло, юноша смог наконец перевести дух.

Возгорание оказалось пустяковым — огонь просто перекинулся на валявшиеся у подножия печи щепки. Зато теперь по кухне разносился густой, тошнотворный запах гари. Лу Яо застыл с пустым ведром в руке, созерцая закопчённый, покрытый чёрной коркой очаг.

Немного придя в себя, он распахнул маленькое кухонное окошко и принялся усердно разгонять гарь старой тряпкой. Цюэ Чжуинь хранил виноватое молчание. Наконец он незаметно шевельнул пальцами — по комнате пронёсся лёгкий сквозняк, в одно мгновение вытянувший весь удушливый чад наружу.

Это подействовало куда лучше, чем размахивание грязной ветошью. Лу Яо отложил тряпку и ведро, повернулся к притихшему виновнику погрома и, разглядывая его испачканное сажей лицо, недоуменно спросил:

— И зачем ты решил развести огонь?

— Вовсе не я его разжигал, — оскорблённо нахмурился Цюэ Чжуинь. — С чего бы мне заниматься столь неподобающим делом?

Он ведь каждый день видел, как Лу Яо возится у печи. И сегодня, поскольку его спаситель крепко спал после вчерашней попойки, ему пришла в голову мысль попробовать самому. Кто же знал, что эта примитивная глиняная штукавина на деле окажется такой строптивой?

Да и вины его тут не было — он отродясь не прикасался к подобным вещам, ведь бессмертным пища без надобности. И затеял-то он это исключительно ради Лу Яо.

Лу Яо лишь тяжело вздохнул.

Услышав это, Цюэ Чжуинь занервничал ещё сильнее. Юноша почти никогда не вздыхал так обречённо. Неужели он и впрямь рассердился?

— Пойдём, — Лу Яо мягко взял его за запястье, увёл из задымлённой кухни и усадил на лавку у стола. Затем он намочил в тазу чистую тряпицу и протянул её мужчине: — Ты весь в саже.

Цюэ Чжуинь на миг растерялся, но послушно забрал ткань и принялся оттирать лицо. Закончив, он приподнял подбородок и прикрыл глаза:

— Осталось что-нибудь?

Лу Яо внимательно взгляделся в его лицо, а затем легонько указал пальцем на кончик его носа:

— Вот здесь, прямо на переносице.

— А? — Цюэ Чжуинь приоткрыл глаза и прижал влажную ткань к крылу носа. — Тут?

— Да нет же, — Лу Яо вздохнул, забрал у него платок, аккуратно сложил его вчетверо и, склонившись, бережно стёр чёрное пятнышко с кончика его носа. Убедившись, что лицо мужчины снова чистое, он удовлетворённо улыбнулся и выпрямился: — Вот теперь всё.

Однако Цюэ Чжуинь почему-то не спешил опускать голову. Уголки его глаз странно порозовели. «Неужели дымом натерло?» — забеспокоился Лу Яо.

— Глаза режет? — участливо поинтересовался он.

Цюэ Чжуинь наконец опустил взгляд и мотнул головой:

— Пустяки, всё в порядке, — он вновь мягко улыбнулся. — Спасибо тебе, Сяо Лу.

Убедившись, что с гостем всё хорошо, Лу Яо бросил грязный платок в таз с водой и направился обратно к очагу:

— Пойду приберу там всё.

Проводив юношу взглядом, Цюэ Чжуинь медленно закрыл глаза. Его ладонь невольно прижалась к груди.

Кажется... сердце билось немного быстрее, чем обычно.

Вода в чугунном котле полностью выкипела, отчего дно покрылось плотной чёрной коркой. Посреди этого пепелища лежал какой-то бесформенный обугленный комок. Лу Яо осторожно подцепил его палочками для еды и долго разглядывал, пока наконец не догадался: это было то, что когда-то планировалось стать яичницей.

«Так Сяо Хэй пытался пожарить яйцо?»

Несчастное яйцо почернело так, что его невозможно было отличить от угля. Есть его, разумеется, было нельзя. Лу Яо с сожалением покачал головой и выбросил испорченный продукт. Оттирая копоть с котла, он подумал, что и впрямь проспал сегодня все сроки —

должно быть, Сяо Хэй уже давно проголодался.

Приведя кухню в относительный порядок, Лу Яо вышел во двор. Цюэ Чжуинь всё ещё сидел за столом под навесом. Юноша немного посомневался, но всё же спросил:

— Сяо Хэй, ты голоден?

Цюэ Чжуинь обернулся. Он недовольно нахмурился:

— Ты думаешь, это я проголодался?

В сущности, в этом не было ничего зазорного. Любой на месте Лу Яо подумал бы точно так же. Но почему-то именно от его слов на душе у повелителя демонов сделалось как-то неловко и досадно.

«Кажется, он не в духе», — мысленно резюмировал Лу Яо. Немного помолчав, он пожал плечами:

— Значит, не голоден.

Цюэ Чжуинь едва сдержал вздох. Он совсем позабыл, что его благодетель в некоторых вещах упрям и непонятлив, точно дубовая колода.

Но мгновение спустя он всё же отвернулся и буркнул:

— Голоден.

Лу Яо невольно улыбнулся и поспешил обратно к очагу.

Ближе к полудню на пороге показался Чжан Чэн. В руках он держал небольшой холщовый мешочек, в котором что-то весело позвякивало.

Заметив во дворе Лу Яо, который колот дрова, Всезнайка прибавил шагу, подскочил к нему и с размаху хлопнул по плечу:

— Лу Яо, а вот и я!

Цюэ Чжуинь как раз лениво перешагнул через порог, намереваясь всласть подразнить своего сонного спасителя вчерашними откровениями, но, увидев постороннего мужчину, который бесцеремонно примостился рядом с юношей, мгновенно посерьёзнел. Он перестал улыбаться.

От неожиданного хлопка топор в руках Лу Яо едва не соскользнул с полена. Юноша воткнул его в плаху, утёр пот со лба и кивнул гостю:

— Принёс то, о чём договаривались?

Чжан Чэн с гордым видом выпятил грудь и многозначительно потряс мешочком:

— Ещё бы! Я пока шёл к тебе, нарочно кричал на всю улицу, так что теперь вся деревня в курсе.

Видя его непоколебимую уверенность, Лу Яо мягко улыбнулся:

— Вот и славно.

Цюэ Чжуинь прислонился к дверному косяку, не сводя глаз с холщового мешочка.

«Разве у смертных не принято дарить друг другу всякие безделушки в знак расположения? Неужели этот проходимец вздумал преподнести подарок Лу Яо?»

<http://bllate.org/book/18171/1753291>